

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 31

1 августа 1944 года

№ 31

СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ Казачьим Войскам № 5

★

Одиннадцатая беседа старого казака с молодыми

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов

★

Музей Л. Гв. Казачьего полка

★

Донская свадьба — К. О.

★

У генерала П. Н. Краснова — А. Яманов

★

Курсы казаков-пропагандистов — Уралец

★

Пять месяцев в подвалах НКВД — Ф. Печолин

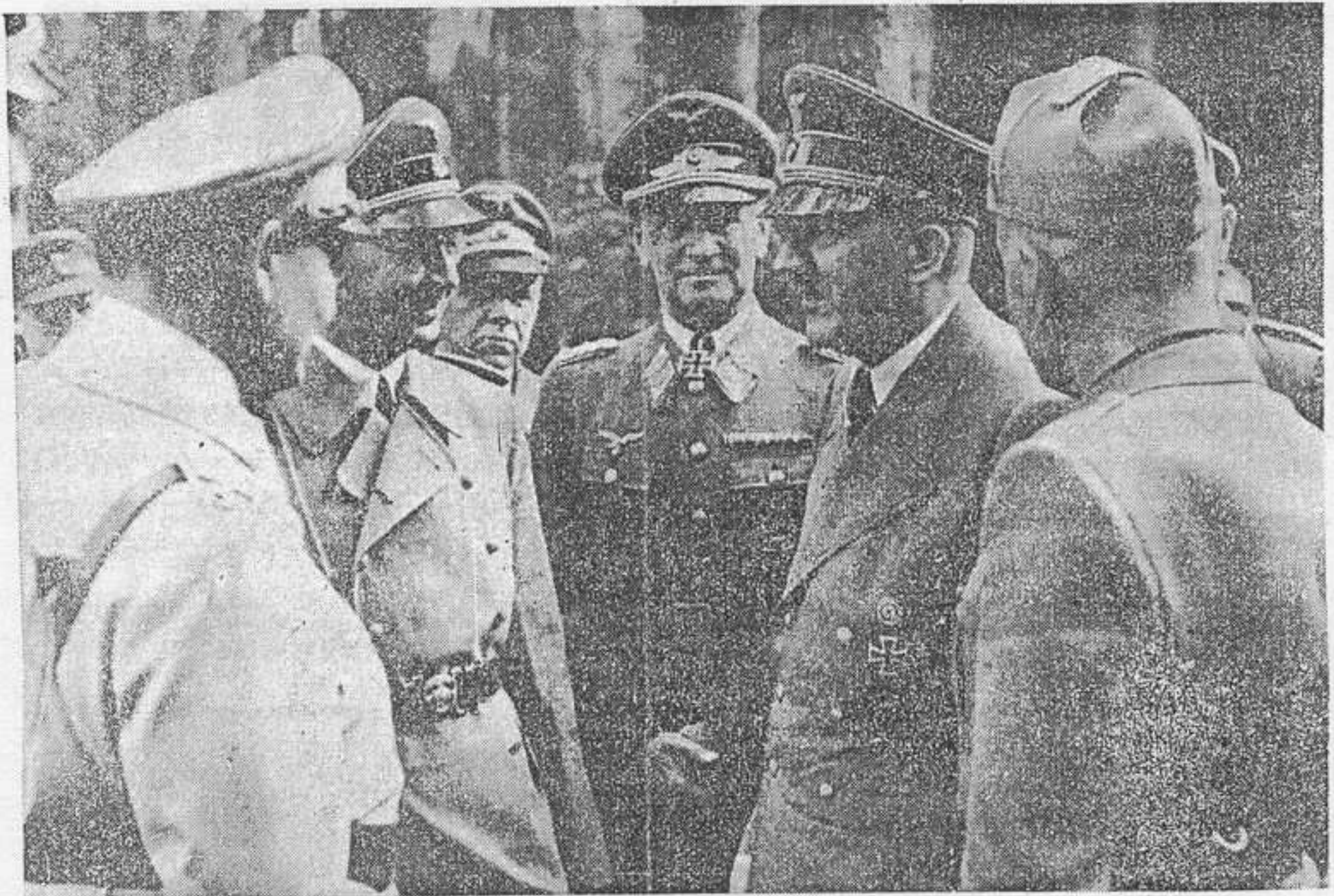
★

Розыски

Командир батальона награждает казачьего офицера знаком «Штурмбейден»

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Фюрер Адольф Гитлер, после произведенного на него покушения 20 июля, и Дуче Муссолини беседуют в Ставке с офицерами

Приказ казачьим войскам

22 июля 1944 г.

№ 5

г. Берлин

20-го сего июля, во время военного заседания, в зал заседания была положена бомба. Взрывом ее многие генералы были — одни тяжело, другие легко ранены.

Фюрер Адольф Гитлер чудом остался невредимым.

Виновник покушения полковник граф фон Штауффенберг был схвачен. Обнаружен был заговор нескольких офицеров. Одни из них покончили с собою, другие были расстреляны. Нити заговора идут к врагам Германии.

Слабые, трусливые, бесконечно подлые, гнусные люди всегда и везде могут найтись. Истории всех народов повествуют нам о таких заговорах. Это — слабость врага внешнего; его растерянность; искание подлых и низких путей для спасения от грядущего поражения.

Господь спас нам нашего Вождя.

Сейчас же по получении этого известия я отправил Фюреру телеграмму следующего содержания:

... «Наш Вождь!

Казачьи войска, перешедшие на сторону Германии и вместе с нею сражающиеся против мирового еврейства и большевизма, с глубоким негодованием

и возмущением узнали о гнусном и подлом покушении на вашу жизнь. В чудесном спасении вашем они видят великую милость всемогущего Бога к Германии и казакам, вам присягнувшим, и залог полной победы вашей над злым, жестоким и не стесняющимся в средствах борющимся врагом. Казаки усугубят рвение своего служения для спасения Германии и Европы от большевистской заразы. Живите многие годы наш вождь Адольф Гитлер.»

Казаки! В чуде спасения нашего Вождя увидим Господню волю дать Германии победу над врагом. В твердой воле Вождя и его помощников узрим — грядущую победу.

Сейчас после покушения Адольф Гитлер обратился к Германскому народу с твердым, спокойным и уверенным словом. Наглость врага обратилась против него. Германский народ еще с большим доверием смотрит теперь на своего Вождя.

В великий этот час, Казаки, до глубины души сознаем священный наш долг быть с немцами и их Вождем до полной победы над нашим общим врагом!

Навсегда!

Подлинный подписал

Начальник Главного Управления Казачьих Войск
Генерал от кавалерии КРАСНОВ

† Генерал-лейтенант Геллмих

17 июня пал смертью храбрых в боях в районе Шербурга командир 243-й пехотной дивизии, особенно отличившейся в этих боях, генерал-лейтенант Геллмих.

До начала этого года генерал Геллмих был генералом Восточных войск при Верховном Командовании и он осуществил желание добровольцев сражаться в рядах немецкой армии за освобождение своей родины от большевизма. Составленные под руководством генерала воинские добровольческие соединения также оправдали доверие Командования на всех фронтах борьбы против большевиков и их союзников, как и добровольцы в немецких частях 243-й пехотной дивизии и, как упоминалось в сводке, добровольцы оказались ценными боевыми товарищами немецких частей.

Генерал-лейтенант Геллмих сам был свидетелем доблестной работы основанных им добровольческих соединений на фронте вторжения. Эти соединения были упомянуты в сводке Верховного Командования за день до смерти генерала. В последний день его солдатской жизни этим он получил высокую награду.

Его жизнь и смерть являются для нас обязательством борьбы против большевизма и его союзников. Дух его будет жить в добровольческих частях и будет вдохновлять на дальнейшие подвиги до окончательной победы и освобождения народов от большевизма и капитализма.

Беседы старого казака с молодыми

Беседа одиннадцатая

Разведка — связь — сторожка
Разведка

Разведка бывает: агентурная, воздушная и войсковая.

Задолго до войны государства устанавливают наблюдение за военной жизнью друг у друга. Они обмениваются явными военными агентами, офицерами генерального штаба, на обязанности которых лежит наблюдение за военной жизнью страны. Правительства знают об этом. То, что можно показать, они показывают сами. Военных агентов приглашают на парады, смотры войск, на маневры, возят на военные заводы.

Но, кроме этой явной работы, военные агенты ведут еще тайную разведку. Они сводят знакомства, где можно что-нибудь услышать, попадают в дома влиятельных лиц, стараются там узнать то, что от них скрывают. Они внимательно читают газеты и отыскивают в них те статьи, где не в меру усердный газетный работник проболтает какие-нибудь военные тайны. Они нанимают своих агентов; те подслушивают, что говорят на военных заводах рабочие; втираются в доверие к крупным военным начальникам, крадут военные тайны государства, ищут планы войны, мобилизации, военные секреты изобретений.

С объявлением войны военные агенты уезжают из государства, но агентурная, тайная их разведка остается. Она постоянно самым тайным образом, разными способами и путями сообщает о том, что делается в воюющем государстве. Шпионы и шпионки продолжают свою опасную работу, устраивают шпионскую сеть наблюдения, сеют «панические» слухи в государстве; обманывают доверчиво-

го обывателя; настраивают легковерных людей против правительства и войска.

Те из вас, кто побывал в Германии, видел расклеенные повсюду картины, изображающие мирно беседующих людей и за ними большую серую тень кого-то подслушивающего их; под картиной подпись:

„Achtung! Der Feind hört mit“. — «Внимание! Враг тоже слушает».

Добродушный поселянин; случайный дорожный спутник; миловидная девица, подающая к вашему столику в ресторане или пивной — кто они?

Они так много лестного говорят о казаках; они восхищаются вами; они осторожно и, как бы случайно, зададут вопросы:

— А много вас? Где же стоят ваши полки? А еще где? Кто командует вами?

Они мимоходом расскажут вам о мощи Америки, о том, что советы непобедимы; что там подняты все монголы Азии для вторжения в Европу. Они скажут, что силы Америки и Англии неистощимы; что там тоже есть свои страшные изобретения: они внесут в вашу душу яд сомнения...

Под видом сотрудников газет они явятся в часть, покажут рекомендательные письма. Они очень милы, обаятельно льстивы. Как не поверить им?

У военных заводов, в тылу войск — они кишат, как мухи над медом.

„Achtung! Der Feind hört mit“.

Каждый неприятельский большой отряд, каждое партизанское гнездо заблаговременно выбрасывает таких агентов, чтобы заранее знать о наших намерениях.

А вот маленькая черточка, как бесечно отно-

ся к самим себе, к своей боевой работе казаки: ... Дружная казачья песня раздалась где-то. Часовой встряхнулся и, улыбаясь, сказал: «опять наши поехали ловить бандитов».

Командир сотни с отрядом казаков направился к хутору X. с целью уничтожить подрывную часть бандитов, нашедших там себе притон.

Да что, о двух головах был этот командир, что пошел в большое и тайное боевое дело с песнями? С песней идут после дела. В дело же выступают так, чтобы ни одна серая полевая мышка о том не проведала.

Увы!.. «Язык наш — враг наш». В сербской хате, в белорусской избе, во французском каменном доме чистит казак оружие, идет седлать коня... И даже не спросит его никто, сам, в простоте сердечной, скажет: «наша сотня идет туда-то. Слышно, и там бандиты показались. Командир сказал»...

И уже знают о том бандиты... Готовы встретить отряд. Или убежали подальше так, что и не найдешь их.

Проклятая наша доверчивость и откровенность. Легкомысленное хвастовство. Бахвальство. Идем, галдим, перекликаемся в цепи, подбадриваем друг друга. А враг слушает. Враг спешит донести, куда надо, предупредить, помочь «своим»...

Там босоногая девченка побегала в лес... Тут крестьянин вдруг запрег телегу и поскакал за дровами, или сеном... Парнишка пошел к тайному телефону...

Тайный враг, агентурная разведка везде!

Воздушная разведка заключается в посылке дозорных самолетов для определения мест скопления войск, движения колонн, обозов, поездов с войсками, устройства новых посадочных площадок для самолетов, укреплений, окопов и пр.

Агентурная и воздушная разведка дают возможность большим штабам составлять план боя. По ним войскам указывать, где неприятель, какой он, в каком числе, как устроен.

Недостаток этих разведок для войск в том, что они дают сведения о противнике в известный, уже прошедший срок. Самолет пролетел, разведал, сообщил и улетел. За это время противник перестроился, усилился, приготовился к бою, или вовсе ушел.

Войскам, ведущим бой, нужна такая разведка, которая непрерывно сообщала бы им, что делается у противника. Чем ближе к бою — тем чаще и подробнее должны быть сведения.

Эти сведения может дать только войсковая разведка.

Войсковая разведка возлагается преимущественно на конницу. Потому-то и называют конницу: «глаза и уши войска». Попытка обойтись без конницы, вести разведку пешими патрулями, самокатными или мотоциклетными частями не увенчались успехом. Еще с китайской войны 1900 года пехотные полки стали обзаводиться собственными разведывательными частями — конными охотниками. Число этих охотников при полку иногда доходило до двухсот.

Войсковая часть, — полк, дивизия, корпус — получает из крупного штаба сведения о неприятеле, находящемся в ста примерно верстах и задачу, что нужно предпринять. Сведения большого штаба основаны на донесениях агентурной и воздушной разведок.

Часть высылает на два, на три перехода вперед в указанном направлении — на 60-100 верст — до соприкосновения с противником — разведывательные сотни (эскадроны). Этим сотням указывается: следует им боем добывать сведения о противнике; вызвать на себя огонь, чтобы определить количество артиллерии, пулеметов; забрать пленных — «языка»; добыть мундиры или личные знаки убитых или только наблюдать за противником.

По большей части от разведывательной сотни требуется лишь наблюдение и посылка возможно частых допесеней.

Разведывательная сотня, обвесившись дозорами, избегая дорог, идет крадучись. Открытые места она пробегает быстро, проскакивает. С места с широким кругозором она оглядывает и изучает местность и что на ней делается. Каждые десять—двадцать верст пройденного пути она, — и уже при дороге, но укрыто, устанавливает пост для приема и посылки допесеней. Пост этот может быть мотоциклетный или самокатный. Он, если к тому есть возможность, связывается с соседним постом или со штабом отряда телефоном, телеграфом или радиоаппаратом.

Чем ближе к противнику — тем внимательнее и более сторожким становится движение разведывательной сотни. Если она встретит дозоры противника — она или, укрывшись от них, пропускает их, — их перехватит наше сторожевое охранение — или их уничтожает, или берет в плен.

Как только разведывательная сотня дошла до противника, она прилепляется к нему и с этого часа ни на мгновение не оставляет наблюдения за ним.

Обычно служба разведывательной сотни односторонняя. Через заранее указанное время ее сменяет другая разведывательная сотня. Но если бы смена почему-нибудь не пришла, разведывательная сотня должна продолжать свою службу до тех пор, пока не будет сменена. Неприятель — ее сдача.

Она связана со своим полком; она доносит, что смена ей не пришла, но покинуть наблюдение за противником она не может. Противник идет вперед — разведывательная сотня отходит перед ним, не теряя наблюдения. Противник отходит — сотня следует за ним. Противник перемещается и сотня идет за ним. Она не оставляет наблюдения за ним до конца войны... или до смены.

Так должны наблюдаться не только войсковые части противника, но и партизанские, бандитские гнезда.

Агентурная или воздушная разведка определила где-то в укрытом месте, в лесах, болотах или в горных теснинах — бандитское гнездо. От части посылается разведывательная сотня. Она отыскивает это гнездо, окружает его сетью невидимых дозоров и с этой поры гнездо непрерывно наблюдается конницей. Оно наблюдается до тех пор, пока не будет уничтожено посланными для уничтожения войсками.

Громадное преимущество для такой работы конницы перед другими родами войск в том, что только конница, невидная и неслышная для противника, может видеть и слышать его. Мотоциклы могут идти лишь по дорогам, наблюдаемым неприятелем. Шумом моторов своих они задолго предупреж-

дают о себе противника. Самокаты хотя и неслышны, но не везде пройдут. Казачья конница пройдет везде. Пройдет, неслышная и невидная. Она отыщет бандитское гнездо и установит за ним непрерывное наблюдение.

«Глаза и уши» войска будут лишь тогда иметь ценность, когда они своевременно, точно,

верно и подробно будут сообщать о всем том, что они видят и слышат.

Основанием и главным делом разведывательной сотни будет своевременная посылка донесений, непрерывная связь с посланным ее начальником.

Об этом мы поговорим в следующей беседе.

Старый казак

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Продолжение*)

XXXVIII

Атаман Иловайский. Устройство Новочеркасска. Общественная жизнь в нем. Балы и театральные представления. Кончина Императора Александра I. Бунт «декабристов». Декабристы о Доне. Атаман Кутейников. Назначение Наследника Русского Престола Атаманом всех казачьих войск 2-го октября 1827 г.

Как и Платов — Денисов принадлежал к славному «веку Екатерины». Он был «старшиною», а не «помещиком». Много повидал он на своем долгом веку. Он был в Италии, хорошо знал Польшу и уклад тамошней жизни, бывал в Петербурге, но европейские обычаи и богатая жизнь Екатерининского Петербурга его не соблазняли. Он не искал переноса тамошних обычаев к казакам на Дон. Внешне он держался старины. Седой, с пушистыми белыми волосами, с седой бородой по груди; в старинном Екатерининском кафтане, украшенном двумя Георгиевскими крестами, звездами и многими орденами — он являлся в станицы казакам старым дедом-казак, умным, образованным, сердечным, но не созвучным новому веку.

Атаман Иловайский был уже из донских дворян. Лихой и бравый генерал, герой отечественной войны и заграничного похода, хорошо поживший в Париже, с удовольствием надевший на себя корткий Александровский мундир с богатым нитьем по воротнику, густые эполеты; с подстриженными усами и завитыми бакенбардами наверху щек он сливался с другими русскими генералами этого времени. Он не чуждался нового, европейского. Он видел в нем не зло, как то видел Платов, но движение вперед, к науке, к свету, неизбежное следование за жизнью.

В дела Комитета он не вмешивался. Предоставляя работать его членам, он занялся внешнею жизнью Новочеркасска. Он начал устраивать в Новочеркасске общественные собрания с танцами — уже не с «журавлем» и «казачком», но европейскими кадрилими, вальсами, польками и мазурками. Сам он охотно ездил на вечера к Новочеркасским жителям. При нем в Новочеркасске начались театральные представления и стали мостить улицы.

Атаман Иловайский любил внешний блеск. Он ездил по городу торжественно. Впереди его коляска скакал полицеймейстер, а сзади ехал взвод Атаманского полка — не для охраны, но исключительно для почета.

В 1825 году Император Александр I проехал через Новочеркасск и Старочеркасскую станицу в Таганрог. В Таганроге Государь тяжело заболел и скончался. Вступление на Престол его брата Николая Павловича сопровождалось в России беспорядками в декабре 1825 года, получившими от того название «бунта «декабристов».

Русская военная молодежь, побывавшая за границей, во Франции, много там повидавшая и услышавшая, была по возвращении в Россию смущена тем, что она увидела дома. Ее потянуло к той воле, которую она увидела, вернее о которой она так много слышалась и читалась на родине кровавой французской революции. От нее заразились совсем юные люди. Стали собираться кружки и говорить об изменении порядка управления Российским государством, об освобождении крестьян от крепостной зависимости, об устранении и даже полном уничтожении Императора и его семьи и о создании из России республики, состоящей из нескольких самоуправляемых государств. Заговор этот не имел корней в русском народе. Только путем обмана в день восшествия на престол Государя Николая I некоторым заговорщикам удалось

вывести часть полков Петербургского гарнизона на Сенатскую площадь, где те стали требовать «конституцию», не понимая этого слова и предполагая что этим они зовут жену старшего брата Императора Николая Павловича — Константина Павловича, отрекшегося от Престола в пользу брата Николая.

Император Николай лично повел верные ему войска против мятежников и легко рассеял их. Бунт был быстро подавлен. Дона он совсем не коснулся, но донским казакам будет любопытно узнать, как смотрели на Дон в эту пору люди, решившие судьбы России.

Что знали декабристы о Донских казаках и их прошлом? Очень мало.

Англичанин Кларк, издавший в 1813 году в Париже книгу «Путешествие по России» написал, что «казаки сознательные и полные чувства своего достоинства свободные граждане»; Русские же крестьяне — «грубые и плутоватые рабы...» Отрыв этот был, конечно, известен декабристам.

Из «Исторического описания земли Войска Донского с 1549 по 1709 годы», составленного В. Д. Сухоруковым и известного декабристам через Корниловича и Завалишина узнали они о самостоятельной «республике Донской, управляемой Кругом и избираемым им атаманом». Однако, сам Сухоруков движению декабристов не сочувствовал. Он сказал декабристу Бестужеву:

— О народном правлении на Дону и думать нечего. Казаки привержены к царю и никак не могут вообразить другого порядка.

Пикита Муравьев делил Россию на 13 держав и 2 области — Славянскую со столицею Москвою и Донскую со столицею Черкасском.

Другой декабрист Пестель делил Россию на 33 губернии и три удела: Донской, Аральский и Столичный. Он писал, что «казаки не столько происхождением своим, сколько образом своего существования от прочих россиян различаются...»

Декабрьские дни шли на Дону тихо. Только — и то, значительно позже — у Сухорукова сделан был обмыск и он за прежние, невинные сношения с декабристами был подвергнут некоторым стеснениям в работе.

Составление «Положения о Войске Донском» тянулось. Атаман Иловайский 10 августа 1826 года, во время коронации в Москве Императора Николая I подал Государю записку, в которой указывал, что в составе Донского Комитета нет ни одного члена, избранного Войском Донским. Он полагал, что необходимо подготовленное Комитетом «Положение» еще раз рассмотреть с большим вниманием самим казакам, членам, избранным всем войсковым обществом.

7 июня 1827 года последовал указ об увольнении войскового атамана Иловайского и замене его наказным атаманом Кутейниковым. Иловайский был последним войсковым атаманом Войска Донского в Императорские времена.

При атамане Кутейникове, 2 октября 1827 года, Государь «во всемирнейшем внимании к заслугам Донского войска» назначил Великого Князя Александра Николаевича (впоследствии Императора Александра II) Атаманом всех казачьих войск и шефом Атаманского полка. По этому случаю Кутейников запросил Петербург, не следует ли отослать Атаману из войска и знаки атаманского достоинства. На это последовал ответ: так как Наследник атамана всех казачьих войск, а не одного Донского, он будет носить знаки атаманского достоинства во время пребывания своего на Дону, вручая их при отъезде с Дона войсковому наказному атаману, как своему заместителю. С 1827 года по 1917 год Донские атаманы носили звание «войсковых наказных атаманов».

Наконец, только после шестнадцатилетней работы, 26 мая

* См. №№ 17—30 «На Казачьем Посту».

1835 года, Чернышевский Комитет закончил составление «Положения об управлении Донского войска».

XXXIX

«Положение об управлении Донского войска». Военное и гражданское управление. Округа. Капмыцкое кочевье. Войсковое правление. Станичные правления. Полковая инструкция. Земельный вопрос и казаки. Донская область.

1 января 1836 года состоялось объявление «Положения об управлении Донского войска». К этому времени в Новочеркасск должны были съехаться все донские дворяне, станичные атаманы и представители от каждой станицы.

Объявление было обставлено торжественно. При трезвоне колоколов всех Новочеркасских церквей из дома Войсковой Канцелярии выступило шествие. Станичные атаманы и почетные старики в старинных мундирах, украшенных многими орденами и медалями несли войсковые знамена, клейноды и грамоты, жалованные войску Донскому, в драгоценных ларцах. Среди них Начальник войскового Штаба нес на бархатной подушке вставленное в золотой переплет «Войсковое Положение». Шествие прошло в Вознесенский собор, где было отслужено торжественное молебствие. После него при громе пушечной пальбы и трезвоне колоколов на Кругу, собравшемся на площади из приезжих казаков, подобии старинного круга на майдане, было объявлено об издании новых законов для войска Донского.

Новое «Положение» делило управление войском на военное и гражданское. Высшая власть как по тому, так и по другому принадлежала войсковому наказному атаману.

При атамане состояли: войсковая канцелярия, адъютанты и войсковые есаулы.

Вторым лицом после атамана являлся начальник штаба войска Донского.

Войско Донское было разделено на семь округов: Черкасский (Новочеркасск), Первый Донской (станция Ведерниковская), Второй Донской (станция Нижне-Чирская), Усть-Медведицкий (станция Усть-Медведицкая), Донецкий (станция Каменская), Хоперский (станция Алексеевская) и Миусский (слобода Голодаевка).

Кроме того было капмыцкое кочевье, разделенное на три улуса. Улусы делились на сотни, а сотни на хотуны.

Для гражданского управления Войском было Войсковое Правление.

Были созданы войсковые суды — уголовный и гражданский; коммерческий суд в Новочеркасске; войсковой приказ общественного призрения; войсковая врачебная управа; войсковая почтовая контора и войсковое дворянское собрание. Подобные учреждения были устроены и во всех округах.

Для управления станицами были созданы станичные правления. Во главе их стояли станичный атаман и двое судей (стариков). Они избирались станичным обществом на три года. На их обязанности было: 1. охранять неприкосновенность станичного имущества и юртовых границ от повреждения, или произвольного захвата. 2. оберегать личное право каждого станичника на земельное довольствие и пресекать обиду и стеснение со стороны сильного. 3. устранять всякое постороннее в сем случае влияние. 4. неукоснительно доводить до сведения общества на Сборе все замеченные беспорядки и отягощение кого либо из жителей, а тем паче вред, причиненный станичному имуществу или довольствию.

В Новочеркасске была учреждена Новочеркасская полицейская управа.

Для полков была издана полковая инструкция. Казачьи чины именовались: казак, урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник. Служба казаков с 1828 года разделялась на полевую и внутреннюю. Полевою службою называлась служба в строевых частях. Внутреннею — служба в качестве прислуги, посыльных, сторожей, писарей и в полциях.

Полевая служба была внешняя: в Петербурге, Москве, Варшаве и Финляндии и линейная — по Кавказской границе. Общий срок службы — 30 лет, 25 лет полевой службы и 5 лет внутренней. 17-ти лет казак считался малолетком и до 19-ти лет отбывал сиденочную повинность при станичном управлении; на двадцатом году шел на службу в полк на три года, а на Кавказ на четыре года. После трех лет службы казак возвращался домой на два года, а потом шел на службу опять

на три года и так до четырех раз. На службе в полках казаки были с 20, 25, 30 и 40 летнего возраста.

«Положение» разделило войсковые земли на станичные юрты, с таким расчетом, что на казака приходилось по 30 десятин паевой земли. Каждая станица должна была отвести участки для пашни, общественного сенокоса, пастбы скота (станичная толока), для рабочих лошадей и станичного табуна. Вдовы и сироты получали пол пая.

Южная часть Задонской степи была отведена для «зимовников» — для создания в ней частных конных заводов.

Земли, на которых был обнаружен каменный уголь, были зачислены в собственность войска.

Офицерам за службу подавались участки земли в пожизненное владение.

Новое «Положение» закрепило существование на Дону сословия — дворянства. Это был давний и сложный вопрос. Когда еще в Екатерининской законодательной Комиссии 1767-го года был впервые поднят вопрос о казачьем дворянстве, депутат от Терского войска заявил, что «казаки той же кровью венчались в войнах, что и дворяне», то есть, что каждый казак по своей военной государству службе равен дворянину.

Хотя и появилось утвержденное «положением» — на Дону дворянство, сторонние наблюдатели Донской жизни отмечают, что на Дону в XIX веке и после введения в силу «Положения», казаки в своем внутреннем быту сохранили равенство. Так донской дворянин, владелич крепостных душ, на станичном сборе был равен с каждым казаком. Он словно чувствовал свою с ним вековую связь. Он был не дворянином, но казаком. Так же и на службе в полках отношение между офицерами и казаками было проще, семейнее, сердечнее и глубже, чем в русских армейских и гвардейских полках.

Но с 1835 года, со времени введения «Положения» Дон стал во всем ровень с остальными губерниями Российской Империи. Он в законе именовался «Областью на основании особых правил управляемой». На «особые» эти правила мало чем отличались от общегубернских.

Вводить в жизнь новое положение пришлось атаману генералу от кавалерии Максиму Григорьевичу Власову. Атаман генерал от кавалерии Кутейников в 1836 г. был отставлен от атаманства.

XL

Атаман Максим Григорьевич Власов. Наказы Императора Николая I Власову.

Максиму Григорьевичу Власову шел семидесятый год, когда он был вызван в Петербург для назначения войсковым наказным атаманом.

Власов был сыном бедного казачьего офицера, казака Раздорской на Дону станицы. Его отец, проездом на службу в Польшу, оставил девятилетнего сына для обучения в Киеве у монахов Киево-Печерской Лавры. В Лавре мальчик научился грамоте, церковному обиходу и суровым монастырским порядкам. При возвращении из Польши отец взял сына и определил его в Черкасск в «Гражданское правление». Писарская работа не увлекла и не удовлетворила здорового и крепкого мальчика. Кругом, в Черкасске, только и разговора было, что о далеких походах, войнах, о казачьей доблести и славе. Имя Суворова гремело по Дону. Мальчик упрямил отца отдать его в полк Грекова. С этим полком Максим Власов ходил в Польшу, где подпал под обаяние Суворова. В 1807 году 40-летний Власов с полком своего имени ходил с Платовым в Пруссию. Турецкую войну 1808-1812 годов Власов провел в Атаманском полку. Все войны с Наполеоном и заграничный поход Власов был командиром полка. Храбрый, сильный и рослый, крепкий Власов не любил лезть на глаза начальству, он был скромный и терпеливо тянул лямку строевого офицера полевого казачьего полка. После заграничного похода Власов долго служил на Кавказе, не раз бывал в отчаянных схватках с черкесами, но ни разу не был ранен. В 1831 году во время Польского мятежа Власов был назначен походным атаманом 15-ти донских казачьих полков, помещенных в Польшу. Условия войны с повстанцами требовали разброски полков отдельно не только полками, но часто сотнями по разным отрядам. Походному атаману оставалась штабная деятельность распределять сотни и полки по отрядам и выполнять наряды.

Хотя Власову было уже 64 года, он не мог сидеть в ты-

лу, когда его казаки дрались по всей Польше. Он сел на коня и появлялся то тут, то там среди своих полков.

7 февраля 1831 года он лично повел казаков в атаку на польские улан. Седой генерал-лейтенант врубился в польские ряды. Но рука старика была не прежней силы. Уланы обружили его. Он получил восемь сабельных ран, нижняя челюсть его была разбита. На выручку ему подоспели казаки. Они прискакали в то время, когда Власов был сбит с лошади и уланы кололи его пиками. Казаки побили улан и вынесли бесчувственного своего походного атамана из боя. Три месяца пролежал Власов в больнице, но едва оправился, снова сел на коня и по Суворовски, водил в бой полки.

14 июля Власов рассеял поляков у Неборова. 2 августа при Мацевичах неожиданно напал на повстанцев, поколот пиками 2 батальона пехоты, разбил и рассеял восемь эскадронов конницы и взял два легких орудия.

Имя генерал-лейтенанта Власова, кавалера орденов св. Георгия 4-й и 3-й степеней стало хорошо известно в Русской армии и на Дону. Стало оно известно и Государю Николаю Павловичу.

Когда атаман Кутейников был уволен с атаманства, Государь вызвал Власова в Петербург. Он сказал, что желает назначить Власова войсковым наказным атаманом Войска Донского. Власов благодарил Государя, но сослался на свои преклонные годы, на ранения, мучившие его временами и усомнился в своей пригодности для столь ответственного поста.

— Послужи мне еще, Максим Григорьевич, — сказал Император, — знаю, что ты страдаешь от ран, но эти раны так почетны, так славны, что жаль было бы запрятать их в какую нибудь глушь. Пусть они будут на виду всего Дона и служат молодежи примером, как служили отечеству старым его слуги. Пусть в тебе будет живой пример, что и та-

кие раны не прекращают деятельности в подобных тебе богатырях, а таких богатырей было много в царствование покойного брата нашего. Я помощник твой во всех случаях. Если встретишь какое затруднение, или какой недостаток средств для пользы Дона, пиши прямо ко мне, да помни все, что я говорил тебе. Я люблю казаков, но не желаю бы видеть их не казаками. Надобно, чтобы на Дон не доходили никакие перемены ни в нравах, ни в обычаях. Пусть казаки остаются славными казаками двенадцатого года.

Что мог ответить на такие слова Государя Власов. Отцом и всю свою долгою службою он был воспитан в правиле: «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся».

Власов молча поклонился Государю.

Перед отъездом из Петербурга Власов явился Государю. Николай Павлович расспрашивал его о вооружении казаков.

— Ты хорошо знаешь эту часть, — сказал Государь, — кажется, у них оружие не однообразное. Я заметил это в Калише. Разнокалиберность бросается в глаза... А хорошо ли соблюдается порода донских лошадей?

— К сожалению, ваше величество, эта часть сильно запущена.

— Жаль! Конь душа казака. Конь казака должен быть вполне пригодным для казачьей службы. Я боюсь, что, пренебрегая этим важным предметом, у меня, чего смотри, и казаков не будет. Позаботься всячески сохранить породу донских лошадей; надобно заимствовать эти породы от горских, от киргизских; с одной стороны горы, с другой степи — хорошее ружельство в требуемой для казаков породе лошадей.

С такими Государевыми наставлениями, с такими задачами Максим Григорьевич Власов поехал на Дон.

П. Краснов

(Продолжение следует).

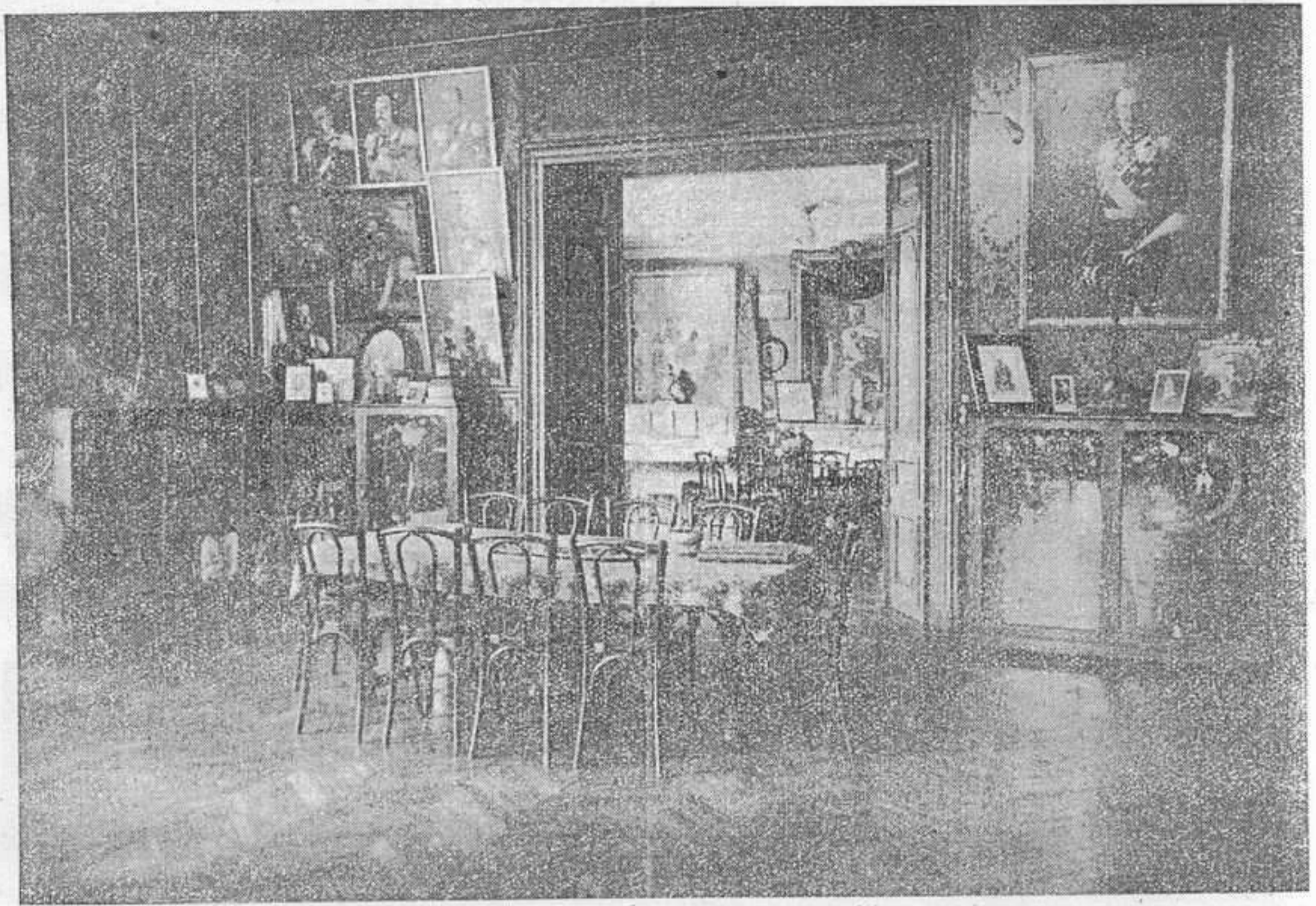

Два года на фронтах освободительной войны

Казаки — орденосцы

Вера и верность

Музей Лейб-Гвардии Казачьего полка

Главная зала музея в настоящее время, в гор. Аньере под Парижем

Лейб-Гвардии Казачий полк сформирован Императрицей Екатериной II в 1775 году и за свое 150-летнее существование принимал участие во всех войнах своего отечества.

За время столь долгой боевой службы полк имел много славных реликвий и трофеев, которые были собраны в полковом музее, созданном в Петербурге инициативой офицеров полка и на их средства.

При офицерском собрании, в казармах полка, были отведены специальные комнаты, в которых хранились эти реликвии. При полковой церкви хранились парадные мундиры Государей, возвращенные после их смерти полку и шефами которого они были. Отсутствует лишь парадный мундир Императора Николая I, который завещал похоронить себя в парадной форме Лейб-Казачьего полка. Хранились грамоты, шесть старых штандартов, выслуживших свои сроки; документы, трофеи, все исторические формы полка, в порядке их изменения, начиная со дня основания полка; медали, отчеканенные в память различных войн и событий, в которых лейб-казаки принимали участие. Массивный серебряный кубок с надписью, свидетельствующий о том, что этот кубок был поднесен Атаману Платову благодарными жителями г. Малоярославца за избавление их от французов. Были в музее и портреты Атаманов Войска Донского.

Две больших батальных картины, писанных масляной краской. Одна из них изображает конную атаку лейб-ка-

заков 4 октября 1813 года под Лейпцигом. Вторая картина — подарок Императора Николая II полку в день столетнего юбилея Лейпцигской битвы, — изображает атаку лейб-казаков в конном строю под Фершампенуазом 13 марта 1814 года нехотного французского карре генерала Пакто.

За подвиги, проявленные полком в Отечественную войну, полку были пожалованы Георгиевский штандарт и 22 серебряных труб с георгиевскими лентами.

Каждого командира полка, сдающего полк, по традиции, офицеры чествовали прощальным обедом и просили поднести полку свой портрет, написанный масляной краской в парадной форме, установленного размера. В музее хранятся портреты всех командиров полка со дня его основания. Каждый входящий в полк офицер обязан был дать свою фотографию — они теперь все имеются в музее, также как и фотографии из полковой жизни — парады, смотры, маневры, войны.

Много гравюр и каррикатур, касающихся событий, в которых полк принимал участие. В одной картине лейб-казаки изображены столпами биваком на Елисейских полях в Париже в 1814 году. Хранятся и призы на скачках, бравшиеся офицерами полка. Все собирали и покупали офицеры для своего полка, составив таким образом музей большой ценности.

После февральской революции 1917 года, когда музеем в Петрограде угрожала гибель, он был эвакуирован на

Дон, а оттуда, в 1919 году, когда в условиях неравной борьбы оставались пределы Дона, музей был эвакуирован в Новороссийск, а оттуда в Константинополь. Полк же продолжал борьбу против большевиков в Крыму в армии генерала Врангеля до последнего дня. По оставлении Крыма остатки полка, офицеры и казаки, собравшиеся под своим штандартом, погрузились на транспорты, уходящие в Турцию.

Из Турции полк переехал в Сербию. Музей следовал за полком. Все чины полка должны были зарабатывать свой горький хлеб изгнания тяжелым трудом, но о музее не забывали и откладывали часть своих заработков, чтобы обеспечить сохранение музея.

В 1924 году казаки переехали из Сербии во Францию.

К тому времени денег, собранных однополчанами в Сербии было недостаточно чтобы перевезти музей с Балкан в Париж, но офицеры и казаки снова принялись за тяжелый ежедневный труд грузчиков на железной дороге, рабочих на заводах, шофферов и пр., откладывая до 20% из своего заработка. Наконец, нужная сумма была собрана и музей был перевезен в Париж. В окрестностях его, в г. Аньере, офицеры полка сняли трехэтажный дом-особняк для музея и квартир офицеров.

Несмотря на столь высокую жертвенность чинов полка, носившую длительный и регулярный характер, этих средств было недостаточно и для полного равновесия в бюджете по содержанию музея существенно помогла вдова прежнего командира Лейб-Гвардии Казачьего полка господина Е. К. Орлова.

При торжественном открытии музея, 22 декабря 1930 года в Аньере, в присутствии многочисленных гостей, генерал П. Н. Краснов сказал прочувствованное слово, которое лучше всего обрисовывает значение музея. Приведем выдержки из него:

«С глубоким волнением... с трепетом приступаю я к своему слову.

Подле стольких святых реликвий, под сенью седых штандартов, свидетелей полторавековой славы Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, Вам, солдаты Российской Императорской Армии, мое волнение должно быть понятно.

Все здесь говорит о горячей любви лейб-казаков к родному полку, о их готовности всем пожертвовать, самую жизнь — для полка и за полк.

Отдать все самое лучшее полку.

Умирая, завещать самое дорогое и милое полку.

Здесь — каждый предмет — близость к Императорам. Трогательная любовь Государей к Лейб-казакам и к Донскому Войску.

Здесь — старина... Портреты старых вождей-командиров... Картины подвигов полка.

Остаток полкового собрания, где проводили свои досуги целые поколения Лейб-казаков.

Здесь как бы застыли их рассказы, их поучения молодежи. Везде и всюду здесь святой гвардейский завет:

Вера и верность.

Все эти предметы — как намоленная веками предков старая икона. Ее не продашь, не променяешь, не поставишь на рынке на осмеяние толпы — перед нею молитвенно тихо преклонить колени. В ней опочила благодать Божия, здесь почиет воинская слава.

Эта воинская слава в святых штандартах. Эта запечатленная в серебре слава в Георгиевских трубах, пожалованных полку за подвиги того великого дня, о котором историк скажет:

«Сражение союзниками после атаки конницы Короля Неаполитанского было проиграно... Их центр был прорван.

Самому Императору Александру I грозила смертельная опасность...

Тогда Император Александр приказал Л. Гв. Казачьему полку, бывшему у него в конвое, атаковать.

Эта горсть храбрецов, воодушевленных присутствием Государя, совершила чудеса храбрости. Кавалерия короля Неа-

политанского была опрокинута и казаки взяли обратно 24 орудия из 26 только что ею взятых».

... Они сейчас в том же Париже, куда так торжественно, значительно и несказанно красиво входили их деды — отцы их отцов.

Они выгрузились холодным ноябрьским днем на Восточном вокзале в бедном потрепанном рабочем платье, с почерневшими от работы мозолистыми руками. Они приехали искать кусок хлеба...

Но мысленно предносили они перед рядами своими святую хоругвь славы и Отечества и не забыли деяний своих отцов. Их примеру они следовали.

Они принесли с собою святые заветы:

Веру и верность.

На долю их предков достались — счастье побед, лихие атаки, звуки победных маршей, полыхание седых штандартов в солнечном блеске покоренного Парижа и мировая слава из Императора.

Им — сынам сынов Войска Донского — горечь чужих поражений, замена солдат, кровавый бунт... унижение, преследование, оскорбление, тюрьма, ожидание смертной казни за веру в Бога и верность присяге... и... чудо спасения.

Спасенные чудом — они сотворили чудо. Как только явилась возможность, они собрали свой Л.-Гв. Казачий полк. И не чудо ли было его появление под своим штандартом в Ростове.

Его великие победы на юге России и в северной Таврии.

Они до дна испили горькую чашу унижения изгнания, но в самые ужасные минуты голода, усталости и отчаяния они помнили о своем долге.

С великими трудами, с потерей последнего достоинства уносили они с собою святые реликвии полка, несли душу отцов своих на далекую чужбину.

... За ними была поруганная, порабощенная Родина, злобное улюлюканье врага и горький хлеб изгнания».

В заключение скажем, что все эти усилия, жертвы и труды не были напрасны и в настоящее время, вдали

от своей Родины, Лейб-Казачи и та подрастающая молодежь, которая лелеет мечту стать в ряды полка, имеют свой родной очаг, согреваемый лучами былой блистательной и жертвенной доблести родного полка, вписавшего не мало ярких страниц в историю казачества.

Донская свадьба

Эту «старину» еще многие из нас помнят. Бывало это не так давно, до войны 1914 года.

Больше всего справлялось свадеб на Покров. «Покров — девкам головки покрой».

В станицах по низовьям Дона («верховые» и «низовые» казаки разнятся, как по говору, так и по обычаям) недели через две до Покрова, ранними утрами, на зорьке можно было слышать девичий «вий». Девки «влили», оплакивая свою девичью волю, расставание с родителями. Были такие мастерицы этого «вия», что их приглашали в дальние станицы повить за неумеющую невесту.

Обычно это были импровизации. Но некоторые «вины» передавались из поколения в поколение.

Не пение, а своеобразный музыкальный речитатив, к сожалению, никем не записанный — были эти «вины».

Вить девка начинала после сговора. Примерно за неделю до свадьбы. Незабываемое и непередаваемое впечатление производили на слушателя эти несущиеся с разных сторон ритмичные и тоскливые жалобы. Чувствовалась неразрывная связь с далеким, далеким прошлым, когда женщину умыкали и увозили на чужбину, часто некрещенные «татарове».

За день или два до венчания был и «подушный день» — перевозка приданного в дом будущего мужа. Сундуки и мебель везли на подводах, а подушки и одеяла свахи и замужние гости несли на руках. Компания была всегда навеселе. Под звуки обрядовых песен, приданое подбрасывалось в воздух и не всегда попадало обратно в руки. Часто все летело в осеннюю грязь. Шелк наволочек и атлас одеял при этом сильно страдали, но невеста не должна была показывать своего недовольства, иначе все будет уже обязательно бросаться на землю. Да еще и ославят! Иногда вещи настолько портились, что их приходилось заменять новыми. Но этот расход всегда покрывался «караваем», речь о котором будет ниже.

На свадьбах были обязательны еще «коровайники», маленькие круглые, сдобные, украшенные позолотой хлебцы, которые заменяли приглашительные билеты на свадьбу. Невестина семья посылала их своим гостям, приглашая их на свадьбу, а женихова своим. Приглашение без «каравайчика» считалось оскорбительным указанием на то, что присутствие ваше на свадьбе нежелательно.

Наконец, наступал день венчания.

Молодых привозили из церкви в тот дом, где устраивалась свадебный пир. Сажали под святые и больше ими не интересовались, пока не раздавались крики «горько». Молодые целовались и о них опять забывали.

Музей — это наше офицерское собрание, наш родной оазис здесь за границей, он создает крепкие узы нерушимой связи между всеми чинами полка, рассеянными по всем странам и ныне продолжающих сражаться за веру и верность, против иудо-коммунизма.

Свадебный пир вначале ничем не отличался от обычных деревенских свадебных пиров.

подавалось невероятное количество блюд. И мясных, и рыбных, и молочных. Среди них непременно должна быть знаменитая лапша «с кочатиной» (с петухом).

Но вот пир приходит к концу. Настает пора раздавать «каравай».

Это огромные круглые, белые хлеба. Сдобные, украшенные шишками из теста и сусальным золотом и серебром. Молодые берут поднос с нарезанным караваем и обходят гостей. Гость, беря кусок караваля, кладет на поднос подарок: золотую монету, часы, кольцо. Дарят куски материй, утварь, скот, птицу — на разживу молодым. Если подарок таков, что на поднос положен быть не может, то гость громко называет его. При одаривании живностью гости кричат имя дарителя и подражают крику подаренного животного. Например: «Осип Петрович Акимов — му-у-у», или «Анемподистовна — ку-ку-реку». Значит первый подарил вола или корову, а вторая петуха.

Пока происходит раздача караваля, хозяйки тем временем заменяют на столе всю ценную посуду старой и худшей, стараясь, однако, сделать это незаметно.

После раздачи караваля едят последнюю перемену: молочный кисель и взвар. После этого на стол вскакивает бабушка жениха или невесты, или обе вместе и начинают плясать на столе, стараясь растоптать всю посуду — «на счастье молодым». Гости усердно подсовывают плюсуням под ноги уцелевшую рюмку, или тарелку ибо плохая примета, если не все побьется.

После этой сокрушительной пляски, молодых уводят в опочивальню, а гости расходятся по домам, далеко не все на своих ногах.

На утро начинаются визиты молодых родителям, старшей родне, крестным. Эта церемония длится от трех дней до недели. После этих визитов жизнь молодоженов входит в нормальное русло.

Не то с гостями. Отпировав на свадьбе, отбив с молодыми визиты, гости начинают «ходить по себе», то есть, ходит по очереди друг к другу и продолжают пировать некладчину. После многолюдных и богатых свадеб это хождение «по себе» продолжается иногда по месяцу.

Молодые уже обживутся, забудут о свадьбе, иной раз уже и подерутся и помирятся, а их гости все еще пируют.

Чем дольше продолжается это хождение, тем больше славы и чести молодым.

К. О.

У генерала П. Н. Краснова

Поезд быстро проносится между рядами разрушенных зданий. Здесь повсюду виден хищный облик войны. Закопченные кирпичные стены, обвалившиеся черепичные крыши, закрученные винтом двутавровые балки, одиноко торчащие печные трубы.

Но чем дальше от города уносит нас поезд, тем меньше разрушений, больше леса, зеленых полей, больше природы; легче, ароматнее воздух.

Вокруг меня чинные, спокойные немцы; мужчины в штатском, много военных. Военные всюду.

Несмотря на колоссальные бомбардировки, надо сказать беспристрастно: транспорт у немцев работает с точностью наилучшего хронометра.

На станции спрашиваю где находится нужная мне улица, но лишь только называю имя генерала Краснова, как немец-железнодорожник с улыбкой начинает понимающе кивать головой и на ломаном русском языке, поднимая многозначительно палец, добавляет: «русский генерал...» После узнаю, что немцы здесь гордятся тем, что среди них живет знаменитый русский генерал и писатель.

Иду по улице деревни. По сторонам, обвитые диким виноградом, уютные деревенские домики. Кирпичные стены, черепичные крыши, большие светлые окна, парадные двери с барельефами и стильными фонариками перед входом, — посылт на себе печать какого-то особого уюта, свойственного немецким селениям и пригородам.

Все утопает в зелени. Заборы из частогокола повиты плющом, диким виноградом; на окнах, на парадных лестницах, на балконах, всюду цветы, цветы... Немцы питают какую-то страсть к цветам.

Окна раскрыты. На стенах — гравюры. Мягкая мебель в комнатах, легкие, ажурные гардины, чистота, тонкий, располагающий к отдыху, уют. По части создания домашнего уюта, красного уголка, где хорошо работать и отдыхать, — немцы непревзойденные мастера.

Я иду и думаю: «Почему же русские, владеющие богатейшей страной в мире, не могут создать себе уютную, удобную жизнь? Мы вечно занимаемся какими-то «мировыми проблемами», забывая о самих себе, не умея создать для самих себя подобный уют в своем доме».

Простые, деревенские ворота с навесом из соломы. Такие ворота встречаются у нас, в русских деревнях. Маленькая, скромная табличка над кнопкой звонка: П. Н. Краснов. Звоню.

Во дворе среди зелени прячется двухэтажный особняк из кирпича, покрашенный, как и все дома здесь, в темно-желтую охристую краску. Ко мне выходит донец, войсковой старшина А. С. Моргунов — адъютант генерала.

Знакомимся и идем к генералу.

— Генерал вас ждет, — говорит адъютант.

Светлая приемная, с обширным окном. На стенах гравюры, сцены из казачьей жизни, казачьи герои. Я с большим интересом рассматриваю гравюры столь близкие моему казачьему сердцу.

В боковую дверь, из кабинета, выходит генерал. Я первый раз вижу его в жизни лицом к лицу. Но сразу узнаю по фотографиям, которые пришлось видеть в казачьей прессе.

— Честь имею представиться, г-н генерал. Прислал по Вашему вызову...

Садимся. Генерал, по военному, без особых предисловий, переходит к делу. Возлагаемая на меня задача

связана с необходимостью разъезжать по разным странам. На вопрос, устраивает ли меня такая работа, я ответил:

— Г-н генерал, о такой работе можно только мечтать.

— Прекрасно, — сказал генерал, — Вы до сих пор хорошо знали свой край, казаков, Россию, нам следует ознакомиться с Европой, ее культурой, городами, людьми. Тем более, что я знаю о том, что вы хотите работать в литературе.

— Я не знаю как благодарить вас, г-н генерал. Вы так бесконечно ко мне любезны. Не знаю чем я мог заслужить расположение ваше... Да, большевики задержали мой творческий рост на 22 года...

— Ну вот и прекрасно, вы не будете иметь недостатка в материале и впечатлениях, остальное же дело ваших рук и вашей энергии. А теперь разрешите предложить вам чашку чаю.

Мы проходим в столовую. Я представляюсь супруге генерала Лидии Федоровне. Она радушно угощает чаем, булочками и настоящим пчелиным медом.

На стенах гравированные портреты донских атаманов и героев, в том числе и любимого казачьего вождя атамана графа Платова. Густые эполеты, высокие кожаные кивера, роскошные бакенбарды, длинные казачьи пики «дончихи», — вся эта внешность и атрибуты ушедших в вечность отдельных героических эпох былой русской славы, величия наших предков.

Я внимательно наблюдаю обстановку, среди которой живет и работает казак-писатель, генерал Петр Николаевич Краснов. В то же время я внимательно слушаю его речь. Слушаю и удивляюсь легкости и ясности мысли этого человека, лично выдавшего на своем веку Императоров Александра III и Николая II, знакомого со многими членами Императорского Дома, с многими писателями и вошедшими в историю политическими деятелями.

Я бы хотел одного, чтобы в его годы я мог сохранить такую же ясность мысли, бодрость духа и колоссальную работоспособность, которой обладает генерал Краснов.

— Читал вашу прекрасную вещь в журнале, — говорит генерал. — Почти все главные герои ваши мне знакомы. Я их лично знал в жизни и по службе. В свое время я имел счастливую возможность объехать 10 казачьих войск. Не смог только побывать в Амурском войске. Мой предок был одним из первых донских историков, оставивший после себя большой статистический труд о Донской Области.

Мой отец был офицером Лейб-Гвардии 6-й Донской казачьей батареи; дед мой командовал Л. Гв. Казачьим полком, прадед служил Л. Гв. в Атаманском полку, прапрадед — сотрудник Суворова, в донских полках участвовал в походах войнах в Турцию, Польшу и Кавказе и был убит под Колопким монастырем накануне Бородинского сражения.

Генерал вспоминает осень 1917 г., когда в Петрограде начинали все больше и больше захватывать власть большевики. В один из таких «предъоктябрьских» дней генерал с супругой и с гостями собирался сесть за стол пообедать. По тем временам, когда уже начался ощущаться недостаток продуктов, обед обещал быть пышным и на столе уже аппетитно дымился мясной суп. Только что сели как вдруг звонок... Входит офицер и говорит:

— Ваше Превосходительство. Сегодня нас собираются

арестовать большевики. Малейшее промедление грозит опасностью. Машина вас ждет внизу...

Пришлось бежать, бросив в Петрограде всю обстановку, важную в течение многих лет трудовой жизни. Так в жизни приходилось уже два раза бросать буквально все — и обстановку и все вещи... Ровно через два часа в квартиру явился Троцкий с чекистами. Троцкий рвал и метал, чувствуя, что его обставили: — «Как же так упустили Краснова? Ведь этот человек много беды натворит нам...» И он не ошибся, этот «грозный» парком, ставший жертвой собственных еврейских интриг.

Я коротко, стараясь записать как можно меньше драгоценного времени у генерала, рассказываю свою жизнь: гибель отца, матери, семерых братьев в гражданскую войну 1919 года на Яике. У генерала это вызывает воспоминания.

— Я тоже растерял всех своих родных во время гражданской войны. Мой брат был арестован большевиками в Петрограде из-за меня. Он был инженером. Когда чекисты пришли арестовать его, он ушел в соседнюю комнату и отравился. Так из нашей фамилии ни с моей, ни со стороны жены, никого не осталось. Вдвоем — на целом свете... Пора бы мне на отдых: много пожил, много поработал, а вот тут приходится еще все работать... казачьи дела...

— Господин генерал, мы, все казаки, от души желаем вам долгой жизни на пользу казачества. Я был на Волыни, был в Польше где, не говоря уже о казаках, имя генерала Краснова известно всем; ваши романы читают и русские и поляки и украинцы. Их берут на расхват, зачитывают до дыр, крадут друг у друга. Ваше имя является знаменем объединяющим казачество.

Несмотря на преклонный возраст (генералу 75 лет) он много и продуктивно работает. Громадная переписка, множество дел по Главному Управлению казачьих войск, во главе которого он стоит, литературная работа. Время его строго распределено по часам и минутам. Некоторые из наших казаков, посещающих генерала, не всегда умеют дорожить его временем, рассказывая давно известные вещи, происходившие 20—30 лет тому назад. Генерал и так следит за всеми событиями, особенно теми, которые касаются казачества...

— Откуда, г-н генерал, вы берете такие подробности в ваших «Исторических очерках Дона», с обозначением дат, мест, фамилий участников событий...»

— Из собственной библиотеки. Все что выходит о казаках, попадает в мою библиотеку. А потом истории казачьих полков дают богатый материал для моих работ.

Я говорю о посещении мною Волчьей сотни и передаю рассказы казаков, побывавших на Украине и в Крыму.

— А вы знаете, что первая Волчья сотня была создана в 1707 году в начале войны есаулом Оренбургского казачьего войска Роботиным во 2-й Забайкальской каз. дивизии ген. Ренненкампа.

Его голова — это энциклопедия по всем казачьим вопросам.

Из столовой проходим в кабинет хозяина. Генерал открывает большой шкаф, бегом набитый книгами автора. Здесь переводы его романов на все европейские языки: английский, французский, немецкий, итальянский, шведский, датский, голландский, болгарский, сербский, хорватский, чешский, венгерский, финский и другие. Особым успехом пользуются его «От двуглавого орла к красному знамени». Его особенно хорошо издали датчане и чехи.

Да, Троцкий был прав, сказав, что «этот человек принесет нам много неприятностей...»

Он уже принес много этих «неприятностей» одним

своими высокохудожественными романами (а их 40 названий), разоблачающими всю подлость и зло, которые причинили миру и нашей родине большевики. Я не знаю писателя, который больше чем П. Н. Краснов разъяснил Европе нутро большевизма.

— Вот чего я вам желаю... — говорит генерал, открывая второй шкаф, также набитый его книгами в русских и иностранных изданиях.

— Да, трудно за вами угнаться, господин генерал.

У генерала нет детей, но у него есть духовные дети, известные всему миру. Я смотрю с жадностью на этих детей и думаю: «ведь я говорю сейчас с человеком, имя которого вошло в русскую историю, в русскую революцию и гражданскую войну и войдет в историю русской литературы».

Чувствую — время аудиенции истекает. Благодарю генерала и его супругу за прием и милую беседу. Прощаемся.

Поезд быстро уносит к большому городу. Сзади остается чистенькая немецкая деревушка, утопающая в цветах и зелени, где живет и работает интереснейший человек нашей современности, дорогой нашему казачьему сердцу казак станции Каргинской Всевеликого войска Донского, писатель и генерал Петр Николаевич Краснов.

Александр Яганов

Казак Николай побывал в Германии

Казак Николай провел отпуск в Германии и вернулся оттуда в свой эскадрон полный новых впечатлений, с которыми долго и оживленно делился со своими товарищами, засыпавшими его вопросами. Никто из них никогда в Германии не был и их очень интересовало узнать про эту страну, как там живут, работают и переживают войну.

Рассказал Николай про город Фрейбург, где он провел несколько дней, про Шварцвальд, Рейн, горы, замки. Хотя все вокруг было чужое, но он чувствовал себя прекрасно — вокруг него были приветливые, ласковые люди. Встретил он там и земляков, работавших в городе, поговорил с ними на родном языке, обменялся с ними мыслями, пожелав успеха в работе и бодрости духа в ожидании грядущих лучших дней, которые завоевываются ныне на полях сражений и усилиями рабочих и крестьян в тылу.

По дороге из Фрейбурга в Берлин Николай наблюдал из окна вагона близкие его сердцу казачьи поля и села. С удивлением он видел прекрасно обработанные земли, тучные всходы, пасущиеся стада, работавших в полях крестьян. Нигде он не увидел пустых, необработанных и неиспользованных клочков земли: все засеяно, все растет, зеленеет, цветет, зреет и паливается.

В Берлине он с восхищением увидел, что он полон народом, все работают, не обращая внимания на развалины, с хладнокровием перенося все трудности и опасности, окружающие их в этом громадном, часто подвергающемся воздушным нападениям, городе. Каким резким контрастом показался ему Белград, в котором он побывал несколько недель тому назад, и из которого, вследствие бомбардировок, жители разбежались кто куда мог с тем, чтобы больше туда не возвращаться.

Поздним вечером закончил Николай свой рассказ. Несколько минут царил молчание. Один из казаков завел песню, другие подхватили. В ночной темноте звонко разносились по хорватским горам мощные и стройные звуки казачьих песен про войны, походы, разлуку и любовь.

Курсы казаков-пропагандистов

Из 60 ожидаемых участников, на курсы съехалось всего 33 человека. Обстоятельства военного времени не позволили приехать остальным. 5-ые курсы казаков-пропагандистов проходили в Потсдаме.

Маленький, необычайно милый, какой то по немецки уютный городок. Потсдам... Фридрих Прусский... — эти два имени тесно связаны одно с другим. Здесь всюду встречаешь бюсты, монументы, барельефы «Великого Короля». На площадях, на улицах, в парке Сан-Суси, на гравюрах, в витринах магазинов.

Везде тень Фридриха Великого сопровождает тебя.

В лице обер-лейтенанта — заведывающего курсами, и всего немецкого обслуживающего персонала, курсанты встретили самое внимательное и предупредительное отношение. Немецкие лекторы хорошо говорили по-русски. Всякие просьбы и повседневные нужды удовлетворялись немедленно.

Курсанты были устроены в чистых, светлых бараках. Казаки обедали в столовой унтер-офицеров, казацкие офицеры — совместно с немецкими офицерами.

Было бы довольно смело утверждать, что за каких либо 16 дней можно много пройти и узнать. Но все же за короткое время курсанты много увидели и услышали.

В части теоретической генерал-майором Полозовым был прочитан краткий экскурс «История казачьих войск». Трудность изложения данного курса, помимо предельно сжатого времени, углублялась еще отсутствием под руками необходимых материалов по истории восточных казачьих войск: Уральского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Уссурийского и др. Генерал сделал упор на историю Донского войска, как старшего брата и основоположника многих казачьих войск.

Жизнь генерала Полозова весьма красочна. Отдельные эпизоды его жизни могут послужить сюжетами для интересных романов, не уступающих по занимательности романам Майн-Рида. Из родительского дома юношей сбежал на фронт в русско-японскую войну. Пойман был в Лисках. Здесь начинается другая жизнь. Подносчик столика в Харькове. Солдат 30-го Ингерманландского драгунского полка. Прапорщик. Даль зовет! Бурлит молодая кровь... В Закавказье разбойничьи шайки, — значит надо туда ехать. Служба в Закавказской страже и борьба с разбойниками. Путь от прапорщика до генерал-майора лежит через тысячи опасностей и рискованных операций.

На курсах, кроме читанных генералом лекций, были прослушаны еще следующие:

Д-р Ш.: «Казачество в свете современной политики»; «Казачество и европейская культура» — весьма интересная тема, которую можно было бы читать не один академический час; «Советское мировоззрение и его преодоление».

Обер-лейтенант фон Нейенквирхен: «Краткая история Германии».

Как иллюстрация к этим лекциям были показаны заслуживающие всяческого внимания фильмы: «Висмарк» и «Фридрих Великий».

Затем шли лекции: «Сельское хозяйство в Германии» и «Причины нынешней войны». Свеж и оригинален по своим фактическим материалам доклад донца П. Викторова —

«Две волны», о казачьей эмиграции 1920 года и о новой волне казачьей, хлынувшей в Европу в начале этой войны.

Зондер-фюрер В.: — «Социальная политика Германии». Лекция интересна, как сравнение с социальной политикой СССР.

Лекция Зондер-Фюрера Р.: «Народность и жидовство в Германии». Особенно интересной оказалась лекция «Промышленность в Германии». Немецкие химики научились делать драгоценные камни. Это достижение не на шутку взволновало капиталистов Америки. Их драгоценности, после такого сногшибательного открытия, теряли свою стоимость.

Сейчас немцы из азота добывают шерсть. Здесь получился курьез. Немцы послали несколько образцов костюмов на экспертизу в Англию с вопросом — из какой шерсти сделаны костюмы. Ответ гласил: «из лучших сортов австралийской шерсти...» (!?)

Курсантам были показаны щетки из дерева, щетина из рыбьей кости, искусственная кожа, высокого качества резина из смолы и известняк, и другие не менее интересные образцы.

Неудивительно, что немецкая химия занимает первое место в мире.

Особенно ценным и интересным оказалось знакомство с общественной, хозяйственной, промышленной и исторической жизнью и искусством в Германии. Курсанты посетили сад в Потсдаме, поселок инвалидов 1-ой Мировой войны, воскресный пляж в Ванзее, два крестьянских хозяйства в пригороде Берлина; Дворец, школу верховной езды и конюшню породистых лошадей в Краминце, монументальное творение знаменитого немецкого архитектора Шинкеля — Николайкирхе, выставку скульптуры Арно Бреккера, старый дворец «Солдатского Короля» Фридриха-Вильгельма I, отца Фридриха Великого, знаменитую гарнизонную кирку, где в 1933 г. президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии, и не менее знаменитый парк прусских королей — «Сан Суси», с его исторической мельницей перед дворцом.

Было много поездок, хождения и работы за эти 16 дней, много усталости, но и много новых, прекрасных впечатлений и большого удовлетворения. На фоне всего виденного, 25-летние вопли и крики большевиков о их достижениях ничто иное, как гром и треск турецкого барабана, имеющего внутри пустоту.

В тесном единении прошел товарищеский вечер, на котором присутствовали представители Министерства восточных областей, Главного командования, генерал Полозов, офицеры и казаки. От имени д-ра Геббельса были розданы подарки, а казачьи офицеры получили «безушайны» на ценное обмундирование.

На курсах казаки имели счастье увидеть своих старых прославленных казачьих генералов: П. Н. Краснова, В. Г. Науменко и А. И. Шкуро. Каждый из них проявил самую искреннюю радость при встрече. В дружеской беседе незаметно прошло время. Казаки с любопытством приглядывались к генералам. Ведь с ними шла и идет наша казачья история.

Радостные и удовлетворенные прощались казаки со своими генералами после каждого их посещения.

С новыми богатыми впечатлениями, хотя утомленные, но довольные, разсуждали казаки-курсанты по своим частям, расположенным в Сербии, Хорватии, во Франции, на Востоке, на Западе...

Уралец.

Пять месяцев в подвале НКВД

Из воспоминаний кубанского казака

Однажды я написал заявление на имя Бакинского управления, в котором просил перевести меня с метстанции города Куба, где я работал, в другое место, ссылаясь на то, что там жили одни азербейджанцы, продукты питания доставать очень трудно, тюркские народы с ненавистью смотрят на всех русских и т. д. Конечно подобного заявления ни в коем случае нельзя было подавать, но, выйдя из терпения, я все же написал и подал. Через несколько дней я получил ответную телеграмму: «Немедленно выезжайте Баку вопросу перевода другую работу». Такие телеграммы вызовом по делам службы я получал не один раз. Поэтому, ничего не подозревая, я сейчас же выехал в Баку и к утру следующего дня прибыл в управление.

Это было 20 июля 1939 года.

Явившись к заместителю начальника Гидромотслужбы в Баку (по улице Карганова № 3), я получил «приглашение» зайти в кабинет начальника спецотдела Тенлова. Там находились два агента НКВД, одетые в штатскую одежду. Они вежливо попросили меня в Наркомат внутренних дел для выяснения какого-то вопроса. НКВД Азербейджанской ССР помещался на берегу Каспийского моря, в самом большом здании Баку. Когда я пришел туда вместе с агентами, мне предложили написать свою автобиографию (обычный прием), а потом проиически посоветовали «отдохнуть» и повели вниз, в подвальное помещение. Сопровождавшие меня агенты исчезли, и я оказался окруженным стражей внутренней тюрьмы НКВД.

Встревоженный я спросил:

— В чем дело?

— А разве вам не известно об аресте? — вопросом ответил дежурный тюрьмы.

— Ничего не знаю.

Тогда мне показали ордер — постановление об аресте. Прочтав его, я расписался в прочтении. Ордер был подписан следователем Агоровым и начальником 3-го отдела Хохловым. Утверждали его нарком внутренних дел Аз. ССР Емельянов, замнаркома Керимов.

Меня раздели до гола и произвели такой обыск, что стыдно вспомнить. После этого, объявив, что мой номер 914, меня провели по длинному корридору подземелья и втокнули в камеру № 127.

В камере стоял, прислонившись к стене, почти голый, обросший и бледный азербейджанец. Мы познакомились. Он оказался преподавателем педагогического института. Его имя Барбар Зедэ Махмуд. Обвинялся он в том, что в Турции жил его брат, хотя несчастный о нем ничего не знал.

Что представляла собой моя камера. Цементированный мешок — два метра длины и полтора ширины. Ни окошка, — ничего. Только в верхней части двери — «глазок», временами открывавшийся надзирателем. Со стен канала вода. Духота была невыносимая. Я думал, что и часу не проживу здесь, задохнусь. Но мой невольный сожитель «успокаивал»: он тоже так думал, но уже третий месяц здесь и — жив.

Вечером, часов в 10 я услышал далекий душераздирающий крик женщины, потом — глухой стук.

— Что это?

Барбар Зедэ Махмуд принужденно улыбнулся и ответил спокойно:

— Ежовы методы выявления контрреволюции.

И тут же рассказал о страшных пытках, применяемых по специальной инструкции НКВД ко многим политическим заключенным. Слышал я о пытках и раньше, но до того времени не верил.

Через полчаса крики утихли. Надзиратель забил закрыть наш «глазок», и я прильнул к нему. В этот момент из угла

вой камеры, по корридору пропесли окровавленную молодую женщину с распухшими волосами, — вероятно, потерявшую сознание. Голова у меня закружилась, и я едва не упал на пол.

Мой товарищ по камере рассказал мне о себе следующее:

«После ареста меня вывезли на допрос и предложили сознаться в шпионской деятельности в пользу Турции. Когда я отказался, мне привязали к рукам по чемодану с песком весом до трех пудов в каждом и заставили неподвижно стоять у стенки, а сами следователи в это время пили и смеялись. Когда я упал от изнеможения, меня облили холодной водой и отправили в камеру. На другую ночь я также отказался от предъявленного обвинения. Тогда меня бросили в «особую камеру», привязали цепями к стене и напустили выше пояса холодной воды. В таком положении я пробыл семь дней. Распухшему и еле живому мне все предлагали подписать обвинение. Потом положили в тюремную больницу, а когда я немного оправился — бросили в эту камеру. Что дальше будет — не знаю...»

Меня охватывал ужас.

На пятый день в двенадцать часов ночи меня вызвали на допрос к следователю Бердникову в комнату № 222. Следователь предложил мне сесть в дальнем углу и, не смотря в глаза, прогнусавил:

— Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности. Признаете себя виновным?

Я вопросительно посмотрел на него.

Он повторил. Ответил ему, что ничего не знаю. Тогда Бердников достал из папки мое заявление, которое я писал в управление, и, показывая мне его, спросил:

— Это вы писали?

Я подтвердил это.

— Вы здесь утверждаете, что, бывая по работе на периферии, не можете по несколько дней достать ни хлеба, ни других продуктов, а посему просите вас уволить. Зачем вы клеветаете.

Я подтвердил, что в районах Азербейджана (как и везде) в продаже нет никаких продуктов, а за хлебом стоим в очереди по три дня, и то не получаем.

— Ложь! — закричал Бердников и позвонил.

Вошла официантка. Он ей что-то сказал, и она вышла, а через некоторое время внесла большой поднос, на котором лежали масло, сыр, колбаса, белый хлеб и т. п.

Тогда Бердников усмеяясь, сказал:

— Смотри: кажется, все! Ну, можно у нас достать кушать или нет? — Он показал на внесенное. Я невольно улыбнулся на эту детски-дурацкую заблуждение следователя и ничего не ответил. — Факты — упрямая вещь, а вы — антисоветский клеветник! — добавил он и принялся писать обвинительное заключение.

«Вина» моя доказана: я признаю «виновным» в антисоветской клевете о нехватке продуктов в Советском Союзе (ст. 72, часть 1 У. К. Аз. ССР или 58 п. 10 У. К. РСФСР...).

После окончания следования меня перевели в камеру № 93, которая была больше, чем 127-я и с окошком. В ней было пять человек: три инженера, лейтенант и старший механик с парохода «Каснар». Два инженера обвинялись во вредительстве, а в чем оно заключалось — они сами не знали. Третий инженер Томилини сам пришел в НКВД и заявил:

— В таких условиях работать невозможно! Сажайте меня или я покончу с собой!

Его посадили.

Лейтенант Игорь Ланко, летчик с Бакинского аэродрома, член ЦК комсомола показал свои выбитые зубы и перебитую руку — последствия пыток. А арестован он был потому, что

кто-то донес в НКВД, якобы он говорил, что надо убить Сталина...

Пятый — Мещеряков Василий, член ВКП(б) с 1916 года — работал на пароходе «Каспар» старшим механиком и парторгом. О нем третий год ведется следствие по обвинению во вредительстве. «Вредительство» же состояло в порче какой-то детали машины, ремонт которой обошелся в 12 рублей. Когда суд отказался судить его за это, тогда следователи прибавили ему еще «связь» с изъятым меньшевиком, бывшим капитаном парохода. Мещерякова держали в водяной камере восемь суток, били по большой ноге; жгли пальцы и, наконец, пьяный жид-палач специальными щипцами отсек ему палец на левой руке. Когда несчастный потерял сознание, его бросили на холодный пол, где он пролежал двенадцать часов; потом его подлечили в больнице и продолжали следствие...

Через месяц к нам в камеру перевели еще одного — из 97-ой камеры. Вечером в этот день надзиратель спросил: «Кто хочет подмести пол в корридорах». Я вызвался.

Надо заметить, что в тюрьмах существует правило, по которому никто из разных камер не должен ни видеть, ни слышать друг друга. Подметая корридор, часов в десять вечера я услышал приближавшийся сверху прерывистый детский плач. Прислушался. Заметив это, надзиратель быстро втолкнул меня в уборную и запер дверь. Но он, наверное, забыл, что здесь разбитое окно, из которого можно все видеть. Я этим воспользовался. По корридору подвала провели двух детей: мальчика лет шести-семи и девочку лет десяти. Мальчик шел, всхлипывая, а девочка горько плакала и, поминутно вскрикивая, хваталась за левое бедро; платье ее

было изодрано, — вид ее был жуткий и жалкий. А с боков и спереди шли три палача (спецработники НКВД), торопили их и временами зажимали рот девочке...

Сердце мое сжалось от боли. Я вспомнил своих детей и, кажется, заплакал...

Когда я вернулся в свою камеру и рассказал о виденном, вновь прибывший товарищ сообщил следующее. На одном из нефтепромыслов Баку — «Сталиннефть» — месяц тому назад был арестован геолог промысла Макаров вместе с женой и тремя детьми, один из которых, десятилетний Витя, умер в тюрьме (вероятно, от пыток), а этих двух продолжают водить на допросы. С Макаровым наг новый «сожитель» сидит в 97 камере, но дней десять назад его взяли на допрос и больше он не возвращался. О судьбе жены ничего неизвестно. А обвинялось семейство Макаровых в том, что жена Макарова — немка, и год тому назад к ним приезжал в гости дядя из немецкой колонии — «Конкордия» (Закавказье). Дядю ее обвинили в «шпионаже в пользу Германии», а потому и семье Макаровых предъявили то же обвинение.

За пять месяцев пребывания в подвалах НКВД (до отправки на этап) я узнал то, чего раньше и не представлял: и испытания людей обоего пола, и пытки малолетних, и кошмарные ужасы советской инквизиции. Я прошел хорошую «школу», в которой научился всей душой и сердцем ненавидеть советский строй. Все колебания и ошибки, бывшие у меня в годы юзпа, исчезли. И сейчас я твердо и уверенно буду бороться против большевизма любыми средствами и любом месте, чтобы навсегда уничтожить кровавую сталинскую клику, чтобы вырвать с корнем еврейско-большевистское зло, подобного которому не знало человечество.

Федор Печорин.

Звонче звякайте уздечки,
Вторьте песне стремена,
Выходи к нам на крылечко
И встречай сынов страна.

Распахни, открой ворота,
Наш отец — родимый Дон.
Из заморского полета
Мы несем тебе поклон.

П. Донсков

Р о з ы с к и

Миронов Мих. Дмитр., Фельдпост № 56415, разыскивает племянника Мартынова Ивана Алексеевича и просит откликнуться знакомых из станиц Цымлянской и Терновской.

Балахнин Эдуард, с хут. Калача на Дону, Фельдпост № 55490-Б, — отца есаула Вениамина Павл. Балахнина.

Тройницкий Николай Александрович, ветерин. врач, сотник Дон. Войска, Фельдпост № 58736 — Е. Н. Тройницкую, Г. П. Сушкова, Ф. И. Одновола, А. Н. Мельникова и М. В. Кирсанову.

Обер-лейтенант Финогенов, Фельдпост № 11278, по просьбе поименованных ниже чинов его подразделения донских казаков, просит откликнуться их знакомых и станичников: Петр. Вас. Пилгов, Иван Гавр. Попов, Александр Вас. Афиногенов, Филипп Федор. Спириин, Василий Гавр. Пальчиков, Василий Иппар. Славнов, Василий Ив. Ивин. Иппарион Илл. Ребриков, Степан Ант. Иванов и Ив. Петр. Бычков.

Матрошилов Николай Степанович, Фельдпост № 11660-Е — отца Степана Ильича

Худин Дмитрий Никол., Фельдпост № 57519-С — двоюрод. братьев из ст. Бесстрашной (Кубань).

Финаев Иван, Фельдпост № 59255 — Ал. Ив. Долгопятова, Алексея Ив. Банникова и Ив. Ник. Богданова.

Попов Никита Липатьевич, ст. Ботавеской, Фельдпост № 57519-С — сестру Екатерину, Антона и Егора Поповых.

Пухляковых Леонида Сергеевича и Ольгу Гавриловну, из Новочеркасска, разыскивают Сергей Вас. и Николай Вас. Пухляковы. Писать: П. Пухлякову, ул. Карлова № 2. г. Прага.

Ес. Мих. Земцов, Фельдпост № 02306 — Петра Прок. Ивникова, Павла Фед. Беспалова, П. С. Кузмина, П. Е. Емцова, Ив. Ан. Шульга и Ар. Ал. Овсянникова.

Решетов Ник. Ст., Фельдпост № 32269 — прожив. в Ессентуках родных и знакомых.

Ивашков Павле Варф., Фельдпост № 57580 — брата Якова.

Юдин Федор Сергеевич, Фельдпост № 13252-В — брата Григория.

Майстеренко Н., Фельдпост № 43785 — дядю Григ. Павл. Тарасенко, ст. Абинской (Кубань).

Танананин Петр Ив., ст. Митякинской, Фельдпост № 48228 — станичников и родственников.

Саломатин Борис, Фельдпост № 59624-С — Александра Павл. Саломатина.

Стопбовой Борис Фед., Фельдпост № 58328-Д — отца и станичн. ст. Зассовской Ушеренского района (Кубань).

Волошенков Иван Алекс., ст. Вознесенской (Кубань), Фельдпост № 11660-Е — Василий Тилушина.

Крымов Мих. Григ., Фельдпост № 57644-С — отца Григория Васильевича, ст. Паурской (Терек).

Безверхов Григ. Георг., Фельдпост № 57644-С — Гавриила Георгиевича и Ивана Максимовича Безверховых.

Серинов Василий, Фельдпост № 57644-Е, ст. Упориной (Кубань) — дядю Терентия Прокоф. Серикова.

Ереськин Владимир, Фельдпост № 56188 — Ал. Макс. Ереськина и Дм. Гавр. Верехина.

Алексеевко Ник. Матв., ст. Усть-Лабинской, Фельдпост № 57644-С — брата Степана.

Мироненко Никита Ал., Фельдпост № Л. 08623 — брата Ефимия.

Ахсайсков Никодим Германович, Фельдпост № Л. 32553 — Верниговора Виталия Николовича, ст. П. Гилловской.

Кубанские казаки: С. Н. Дьяконов, Ник. Ив. Ефимов, Гр. Си. Дворников, Вас. Гр. Соколов и Ив. Ив. Лоенко, Фельдпост № 13252-С — родственников и станичников.

Кувшинов Ив. Мих., Фельдпост № 58342 — родных и знакомых.

Ивах Ник. Александрович, ст. Марьинской (Терек), Фельдпост № 13252-С — отца Александра Леонтьевича Ивах.

Каз. Мирошниченко, ст. Тихорецкой, Фельдпост № 11660-С — отца Георгия Емельяновича.

Корпенко Влад. Мих., ст. Воронежской, Фельдпост № 56361-Е — С. Я. Панасенко и С. А. Новосельцева.

Луговский Зах. Вас., ст. Кисляковской, Фельдпост № 56361-Е — братьев Якова и Харитона Луговских, Тим. Ив. Полуянова и Ф. С. Пыпа.

Соколов Ив. Ефрем, Фельдпост № 56361-Е, на Ев-Староукрепление — М. К. Кравцова, В. Петренко и В. Е. Соколова.

Черкесов Петр Федор., ст. Урюпинской, Фельдпост № 56361-Е — Федора и Ивана Черкесовых, знакомых и станичников.

Туз Николай Егор., Фельдпост № 56188 — отца и брата, из Екатеринодара.

Смолян Ник. В., ст. Старо-Корсунской, Фельдпост № 48837 — станичников.

Обухов Николай И., Фельдпост № 11660-Д — отца Ивана Андреевича ст. Персиановск.

Орлов Николай, Фельдпост № 11660-Е — брата Валентина.

Крикунов Михаил, Фельдпост № 11660-Е — братьев Андриана и Семена, ст. Ермаковск.

Пономарев Александр Мих., ст. Манычской, Фельдпост № 11660-Ф — отца Мих. Герас., дядю Ив. Гер., С. А. Юркова.

Борисов Алекс. Вас., Фельдпост № 05869 — отца Васил. Дм. и братьев Георгия и Ивана.

Переводчик Берхманн Мих. Серг., Фельдпост № 17031 — Влад. Ник. Рыбовола, станицы Динской (Кубань).

Шишкин Василий, ст. Казанской, Фельдпост № 59509 — родных и знакомых.

Каганцев Александр Михайлович, ст. Вознесенской (Кубань), Фельдпост № 48903 — станичников, родственников и знакомых.

Людфтинутцполицай Иван Забазнов (Адрес: Грац № 12-а, Пауль Штургалс 8, Остмарк, Штормарк) — братьев Петра, Амоса и Андрея, ст. Романовской (Дон).

Колыхалин Мих. Ив., Фельдпост № 17084 — Н. Н. Латышева, ст. Семикаракорской.

Гуртовой Андрей Ил., ст. Вышестеблевской (Кубань), Фельдпост № 48110-А — брата Ивана.

Кувшинов Иван, ст. Семикаракорской (Дон), Фельдпост № 48472-С — станичников.

Ефимов Ник. Ив., Фельдпост № 13252-С — дв. братьев Константина и Ивана Даниловичей, родных и знакомых.

Апимов Александр Ник., ст. Орловской (Дон), Фельдпост № 11660-Д — родственников и знакомых.

Дьяконов Серг. Ник., ст. Воронежской, Фельдпост № 13253-С — брата Василия.

Мошняков Ефим Ст., х. Морского, ст. Есауловской, Фельдпост № 13252-С — земляков.

Медведев Федор Ив., ст. Казанской, хут. Нижне-Морозовский, Фельдпост № 48903 — родных и знакомых.

Сугороков Георгий, с хут. Свинаярева Бело-Калитв. ст. Фельдпост № 13252 — отца.

Попов Емельян Афиноген., ст. Манычской, Фельдпост № 57055 — племян. Попова Алексея Вас.

Красильников Сергей, Фельдпост № 58979-С — знакомых.

Пересадченков Андрей Матв., Фельдпост № 57055 — сына.

Пискунов Алексей Петрович просит отозваться казаков Калитвенской станицы: Пискунов Василий Петрович — брат Одностаничник — Чурсинов Гурий Никитич, Зорин Петр Александрович, Зорин Алексей Пантелеевич, Козленков Афанасий Владимирович, Рудаков Михаил Николаевич, Юров Иван на адресу: Graz, Paulustorg 8 (Pol. Präsidium) Ostmark, Steuermark (Luftschutzpolizei) Piskunow Alexej.

Шишкин Василий, Фельдпост № 59509 — разыскивает эмигранта Юркина Захара, ст. Казанской, последнее жительство в Болгарии, а также родных и знакомых.

Кучеря Виктор Тимофеевич, Фельдпост № 50509 — разыскивает Кучеря Ивана, 1923 г., ст. Староджеливская, Кубань, а также знакомых.

Белоусов Петр Яковлевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает брата Белоусова Григория Яковлевича, хутор Попов, Сталинградская об.

Борисов Филип Димитриевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает зятя Чекунова Сергея Ивановича 1898 г., ст. Аннинской, хутор Сямнов, Донск., обл. Последнее жительство в Уумыши.

Зерцинов Вкол Николаевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает дядю Мачаева Стафана Никандровича, ст. Зотовской, эмигрант 1920 г.

Бозовов Иван Парфиревич, Фельдпост № 59509 — разыскивает Бозовова Парфирия Петровича, 1892 г. и родных, Донск. обл.

Акименко Николай Власович, Фельдпост № 59509 — разыскивает родных и знакомых, ст. Гладковской, Кубань.

Крамской Николай Григорьевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает отца Крамского Григория Гавриловича.

Фидченко Иван Иванович, Фельдпост № 59509 — разыскивает Александру и Лидию, Николаевской обл. Скодавского р-на.